

В отличие от неприязни к Линь Шаоаню, духовное тело Хань Цзюня проявляло гораздо больше дружелюбия к Чжао Хунгуану. Несмотря на раздражение от маленькой птички, прыгающей по его голове, спине и даже заднице, Белый тигр терпеливо лёг, не обращая на неё внимания, лишь слегка отгоняя хвостом, когда она причиняла боль.

— Бай, ты выглядишь немного полнее, чем раньше, — Чжао Хунгуан присел, чтобы погладить гриву тигра, и почесал его подбородок.

— У-у... — Тигр слегка прищурился, спрятав острые клыки, и покорно поднял голову, позволяя Чжао Хунгуану гладить его сколько угодно.

Хань Цзюнь спокойно наблюдал за птичкой, выдёргивающей шерсть с задницы его духовного тела и прячущей её под крылья. В этот момент его сердце было удивительно спокойно. Как бы то ни было, высокая степень совместимости с Чжао Хунгуаном помогла его духовному телу расслабиться, а ментальное море стабилизировалось.

— Спасибо тебе. Без тебя моё духовное тело, вероятно, уже погибло бы.

Смерть духовного тела означала смерть хозяина. Во время лечения синдрома берсерка в Чёрной Башне Хань Цзюнь не раз видел, как его Белый тигр становился слабым и измождённым. Порой он даже хотел, чтобы тигр умер, чтобы избавить их обоих от страданий.

— Не волнуйся, я не дам тебе умереть, — с твёрдым выражением лица Чжао Хунгуан улыбнулся Хань Цзюню, отпустил тигра и сел рядом, взяв его руку.

Чжао Хунгуан внимательно рассмотрел мозоли на пальцах Хань Цзюня, представляя, как тот сжимал боевой клинок, защищая всех в сражениях. После каждой победы Хань Цзюнь, должно быть, улыбался широко и искренне. И Чжао Хунгуану так хотелось снова увидеть эту улыбку.

С опытом предыдущих разов работа Чжао Хунгуана продвигалась гораздо быстрее. Повреждения ментального бастиона Хань Цзюня были незначительными, и за полтора часа он полностью восстановил его.

— Как ты себя чувствуешь, брат? — Чжао Хунгуан вытер пот со лба и сразу же заботливо спросил Хань Цзюня, который всё ещё сидел с закрытыми глазами.

— Гораздо лучше, голова больше не болит, — Хань Цзюнь сосредоточился на ощущениях в своём ментальном море.

Восстановленный бастион снова стал прочным, а ментальный барьер полностью развернулся, защищая его от внешних раздражителей.

— Голова не болит? Отлично. Тогда давай обсудим твои планы, — Линь Шаоань с опаской посмотрел на Белого тигра, мирно спящего на полу, и на птичку, всё ещё занятую сбором

шерсти.

Пока Чжао Хунгуан восстанавливал бастион, тигр, который прежде был агрессивен, заснул. Вспоминая свои прошлые неудачи, Линь Шаоань почувствовал, как его ментальное море снова начало болеть.

Хань Цзюнь недоумённо поднял взгляд:

— Какие планы?

— Твоё ментальное море стабилизировалось, и я доложу об этом начальству. Если всё будет в порядке, ты скоро сможешь покинуть Чёрную Башню, — Линь Шаоань вспомнил Цинь Юннися, который пытался уговорить его оставить Хань Цзюня в башне.

Он не понимал, зачем тот так настаивал, но не мог поступить против совести. — Конечно, ты можешь остаться здесь и продолжить лечение.

— Я обязательно уйду, — до расследования Хань Цзюнь не был уверен, стоит ли покидать Чёрную Башню.

Он привык к жизни здесь, большую часть времени находясь в полусне, не думая о людях и событиях, причиняющих боль. Но теперь, узнав, что Вэй Чэнь жив, он больше не мог прятаться в башне, избегая ответственности. Как бы то ни было, он был Стражем, связанным с Вэй Чэнем, и именно его неспособность защитить его привела к исчезновению. Роза, оставленная Вэй Чэнем в его ментальном море, должна была что-то значить, и только он мог спасти его и всё выяснить.

Решимость Хань Цзюня покинуть башню неожиданно обрадовала Линь Шаоаня. Он ненавидел давление со стороны Цинь Юннися, и теперь, получив ответ Хань Цзюня, он был удовлетворён.

— Отлично, этот несносный пациент наконец уходит из башни. Я наконец смогу спокойно спать, — сколько раз Линь Шаоаня вызывали в Чёрную Башню среди ночи, чтобы спасти Хань Цзюня от внезапного ухудшения состояния.

Хань Цзюнь усмехнулся, привыкнув к насмешкам Линь Шаоаня. Но, увидев радость на лице Чжао Хунгуана, его сердце снова сжалось. Когда Чжао Хунгуан вошёл в палату, Хань Цзюню показалось, что он увидел что-то, что не относилось к настоящему.

В этом видении он держал боевой клинок, пронзая грудь Чжао Хунгуана. В отличие от шока на лице Чжао Хунгуана, его собственное выражение было ледяным.

После того как он спросил Линь Шаоаня о способности стражей предвидеть будущее и видеть призраков, такое видение казалось слишком странным. Из опасений Хань Цзюнь не стал рассказывать об этом Линь Шаоаню, чтобы не напугать Чжао Хунгуана.

— Что случилось, брат? Разве ты не рад, что уходишь из Чёрной Башни? — Чжао Хунгуан, заметив изменение в выражении лица Хань Цзюня, спросил без задней мысли.

— Рад, — Хань Цзюнь кивнул и мягко улыбнулся.

Почему-то каждый раз, видя молодую улыбку Чжао Хунгуана, он чувствовал себя спокойнее. Он начал сомневаться, не было ли это видение результатом проблем с ментальным бастионом, как во время приступов безумия, когда всё вокруг казалось ему опасным.

Хань Цзюнь успокаивал себя, предполагая, что это действительно могло быть галлюцинацией. За тридцать лет у него никогда не было способности предвидеть будущее или общаться с призраками. Если Вэй Чэнь жив, то уж точно не стал бы являться ему как призрак.

Поскольку внутреннее расследование не выявило никаких проблем, Чёрная Башня официально объявила о полном излечении Хань Цзюня от синдрома берсерка.

Эта новость вызвала бурю в Тауэр-зоне. Обладатели аномальных способностей ликовали. За последние годы антиправительственная организация Крылья Свободы неоднократно атаковала правительство, причиняя множество проблем. Они верили, что возвращение Хань Цзюня, легендарного Верховного Стража, станет началом новой эры славы для Тауэр-зоны Сент-Неленса.

Однако в Безопасной зоне, управляемой Объединённым правительством, эта новость не вызвала такой же радости.

Из-за частых случаев рецидива синдрома берсерка у вылеченных стражей, недоверие и страх обычных людей к обладателям аномальных способностей достигли рекордного уровня.

Хотя семьи многих обладателей аномальных способностей были обычными людьми, находились и те, кто считал, что «не наш — значит враг». Они протестовали против предоставления обладателям аномальных способностей равных прав, утверждая, что те, кто может в любой момент напасть на обычных людей, должны быть изолированы в Тауэр-зоне, а не жить бок о бок с ними в Безопасной зоне. Эти люди даже создали организацию под названием Общество Ящерицы, проводя регулярные митинги и требуя от правительства строгого контроля за обладателями аномальных способностей в Безопасной зоне, особенно за стражами, склонными к потере контроля.

Возможно, из-за нежелания Хань Цзюня преследовать её, а может, потому что Су Вэй была дочерью погибшего заслуженного стража, или из-за традиционного невмешательства Тауэр-зоны в дела обычных людей, Су Вэй после предупреждения и воспитательной беседы была выслана из Тауэр-зоны, и её пропуск был изъят. Теперь она больше никогда не сможет войти в это место, где собираются обладатели аномальных способностей.

Но милосердие Хань Цзюня и Тауэр-зоны не смогло полностью искоренить ненависть в сердце Су Вэй.

Она всё ещё ненавидела Хань Цзюня за то, что он жестоко убил её отца.

Непреодолимая ненависть заставила её вступить в Общество Ящерицы, несмотря на то, что её отец тоже был обладателем аномальных способностей.

<http://bllate.org/book/15254/1345162>